

Увайс Ахтаев. Страницы жизни

написано Movladi ABDOLAIEV | 03.02.2012

Рассказывает Магомед Ахтаев – двоюродной брат Увайса.

Когда в 1944 г. чеченский народ был изгнан с родных мест, мы, Ахтаевы, оказались в городе Ленгере Чимкентской области Казахстана. Помню длинный деревянный барак без окон, без дверей. В этом бараке нам отвели угол в одной из «комнат». Нам – это: Увайс Ахтаев, его мать Азман, я, мои сестры и наша мать – всего шесть человек. Увайс и я – сыновья двух братьев. В «комнате», кроме нас, поселили еще несколько чеченских семей. Было невыносимо холодно, люди, как могли, утепляли оконные проемы, закладывали тряпками дверные щели, все равно холод не унимался. Посреди комнаты была установлена «чугунка», которую нечем было растопить. Голод, холод и тиф косили чеченцев. Помощи ждать было неоткуда.

В этих крайне сложных условиях Увайсу удалось устроиться на работу в шахту, в городе Ленгере добывали каменный уголь. Увайсу тогда было всего 13-14 лет. Разрешалось законами того времени использовать детский труд на производстве. Взяли его на самый трудный и опасный участок, т.е. в забой. Несмотря на опасную работу, мы очень были рады такому событию, так как знали, что работающему выдавались карточки на покупку хлеба, крупы, сахара, мыла в пределах мизерных норм.

Несмотря на свои детские годы и сложные жизненные условия, брат мой был атлетически крепко сложенным и сильным великаном. Руководство шахты даже не усомнилось, что на работу в подземелье они берут несовершеннолетнего парня. В первый день выхода на работу мы всем баракком провожали его, желали удачи и благополучного возвращения. Вечером Увайс вернулся с работы и принес на своих плечах огромный камень – уголь. Когда он сбросил эту громадину со своих плеч, весь барак задрожал как

от землетрясения. Изумленным чеченцам он сказал: «Берите уголь на одну растопку, чтобы хватило всем, завтра еще принесу». Весь барак был оживлен, тепло согрело человеческие души, появились смех и радость. Даже забыли на время голод, болезни и тоску.

Руководство шахты не препятствовало Увайсу в уносе угля, наоборот, подыскивало ему наиболее крупные куски и дивились могучей силе Ахтаева. Иногда Увайс в забое отламывал от пласта соответствующий своей силе кусок, поднимал его на поверхность и нес домой. Так продолжалось каждый день, этим самым Увайс спасал нас от холода.

Однажды, когда Увайс находился на работе, забойщики присели отдохнуть, вдруг по шахте разнесся ревущий шум со страшным свистом. Шахтеры заволновались, начали кричать, некоторые даже плакали и причитали, что наступил конец и нет спасения от надвигающейся беды. Один из старейших забойщиков объяснил Увайсу, что на них на огромной скорости «летят» вагонетки, отцепившиеся от электровоза. Забой в шахте – это тупик, ни влево, ни вправо, ни вперед, ни назад не уйдешь при такой надвигающейся опасности. Увайс потом рассказывал: «Когда я понял, в чем дело, соскочил с места и побежал по узкоколейке навстречу ревущему шуму. Бежать было крайне тяжело, постоянно в темноте натыкался на всевозможные выступы, стойки из бревен, ударялся головой о потолок штольни, хотя и бежал на четвереньках. Где-то за поворотом подземелья я встретил эти вагонетки, отскочил в сторону в узкий проход, пропустил их мимо себя и ухватился за третью или четвертую вагонетку одной рукой, а другой схватился за стойки – выступы в штольне. Упирался ногами об шпалы, стараясь сдержать их бешеную скорость. Несли меня вагонетки, как щепку, кидая в разные стороны, ударяя то об стойки, то об вагонетки. С помощью Всевышнего, мне удалось остановить их в нескольких метрах до шахтеров. Весь в крови, с побитыми руками, ногами и головой я предстал перед шахтерами».

От радости шахтеры обнимали Увайса, целовали его окровавленные

руки, благодарили со слезами на глазах за спасение. На поверхности уже знали, что произошла авария, сбежали к спусковому лифту все руководство, рабочие, население близлежащих поселков, и все ждали выноса трупов погибших шахтеров. И когда все 15 забойщиков в центре со своим спасителем показались из шахты, ликование не было конца, родственники обнимали своих близких, благодарили Увайса, каждый старался притронуться к нему, пожать его большую руку, сказать слова признательности.

Администрация шахты поощрила Увайса за этот подвиг булкой черного хлеба, небольшим количеством сахара и просеянной крупой. Для того голодного времени это считалось большой наградой. Руководство шахты доложило по инстанции до столицы Казахстана, что чеченец-спецпереселенец, несовершеннолетний паренек огромного роста и могучей силы, носящий клеймо врага народа, спас от неминуемой гибели шахтеров-забойщиков. Через некоторое время в Ленгер прибыла делегация посмотреть на чудо-гиганта, у которого хватило благородства спасти шахтеров-чеченцев. Когда убедились, что перед ними простой чеченский парень гигантского телосложения с добрыми глазами и улыбающимся лицом, единогласно решили забрать его с собой в Алма-Ату.

За счет шахты пошили ему обувь и одежду, не забыли и его мать. После получения разрешения от НКВД, его увезли в Алма-Ату. Там на высоком уровне решали его судьбу. Одни предлагали использовать его в цирке на потеху людям, другие – дать возможность показать себя в борьбе, боксе, штанге и т. д. Но ни к одному виду занятий по своим параметрам он не подходил, и тогда предложили баскетбол. И именно здесь Увайс почувствовал себя, как рыба в воде.

За короткое время имя Ахтаева стало широко известно среди спортивной общественности Советского Союза, а Алма-Атинская посредственная и малоизвестная баскетбольная команда «Буревестник», в которой он играл, стала одной из лучших в СССР. Появление Ахтаева в баскетбольной среде происходило

именно так, как описано выше и как он сам рассказывал, а не так, как некоторые авторы газетных публикаций пишут, будто он по совету местного тренера поехал в Алма-Ату и стал известным баскетболистом. Попробовал бы он по такому совету поехать с места постоянного учета не только в столицу Казахстана, но даже в рядом с Ленгером расположенное село, чеченцу за такую вольность лепили до 25 лет тюремного заключения.

Так что, самостоятельно в баскетбол Увайс прийти не мог, да и вообще, в те голодные, холодные годы было не до баскетбола. Просто обстоятельства (спасение шахтеров) сложились так, что его заметили.

Теперь я хочу рассказать о том, как его из большого баскетбола прогнали или выгнали – в данном случае подходит любое из этих слов. Кажется, было это в 1952 г. Пригласили Ахтаева в Москву на международные соревнования с выездом в Болгарию и другие страны. Увайс прибыл в Москву с матерью и начал готовиться к отъезду вместе с другими членами сборной команды СССР. Все было готово: получена спортивная форма, определено время выезда и т. д. У. Ахтаев вспоминал: «Отъезд был назначен на утро следующего дня. Мы с матерью сидели в гостинице и говорили о том, о сем, как вдруг открылась дверь и на пороге появились два совершенно неприятных субъекта, без всяких предисловий они предложили пройти с ними до комиссара НКВД СССР Лаврентия Берия...»

Берия был инициатором и организатором депортации чеченцев в 1944 г. Не без его ведома уничтожались чеченские старики, женщины и дети в конюшнях Хайбаха, в Урус-Мартановской больнице и других населенных пунктах Чечни. Увайс знал, к какому душегубу его ведут. Когда подошли к зданию НКВД, мать осталась на улице, а его повели по черному, длинному коридору до кабинета главного жандарма страны. Опричники открыли дверь и впустили Ахтаева. Кабинет был огромным, с открытыми окнами для проветривания, за столом в черном мундире сидел Берия. За поясом висел отлакированный маузер в деревянной кобуре, свисающей до пола.

После некоторой паузы он начал разговор с того, что «ты, как и твой отец, как твой род, как все ваше чеченское племя, осужден Советской властью на вечное поселение. Вы осуждены как враги народа, не важно, сколько тебе лет, важно, что ты чеченец. Поэтому за границу выпустить тебя мы не можем, тем более с твоей чеченской фамилией и национальностью. Поэтому предлагаю принять национальность грузина или мегрела и фамилию этих народов. В этом случае тебя ждут участие в олимпиадах, карьера в работе и благословение власти. Паспорт тебе выдадут сейчас же, и ты беспрепятственно уедешь с командой».

Увайс, недолго думая, отпарировал: «Если все это достается путем предательства, то ничего мне не надо. Фамилия моя, данная моими родителями, мне нравится, а национальность у меня от Всевышнего Аллаха. Ни то, ни другое менять я не буду. Если я нужен стране таким, какой есть, я готов, не жалея сил и здоровья, достигать спортивных высот на любом уровне...».

«Не успел я все это высказать, – рассказывал Увайс, – как ужаленный змеей, он соскочил со стула, весь потный, с пеной у рта, выхватил маузер из кобуры и приставил к моему телу, приговаривая: «Как ты смеешь противоречить мне, ты забыл, кто с тобой разговаривает, я пристрелю тебя прямо здесь и огромное твое тело выброшу на съедение служебным собакам. Никто не узнает, что с тобой произошло».

Пока он кричал, я потихоньку начал пятиться назад, к открытому окну, а он шел на меня, плотно придавливая дуло маузера. Когда мы дошли до окна, резким движением я перебросил ногу через подоконник и ухватился за оконные косяки, повис с четвертого этажа над улицей».

Внизу на скамейке сидела мать, и когда прохожие заметили свисающего с окна 4 этажа огромного великана, они начали останавливаться и удивляться происходящему. Мать обратила внимание на столпотворение и тоже взглянула вверх. Какое же у нее было чувство, когда она увидела своего сына, готового вот-вот сорваться с окна. Мать завопила, закричала: «Что ты

делаешь, сынок, упадешь, разобьешься». Не знала она, что озверевший мегрел стоит за тем же окном, готовый предать его смерти.

За секунды вокруг здания НКВД собралась многочисленная толпа, образовалась огромная пробка машин, начались волнения, вокруг матери собрались люди и что-то выкрикивали, смотря наверх. Только тогда душегуб взглянул вниз, сразу встрепенулся и отскочил от окна, чтобы народ не увидел его. Отойдя в центр кабинета, он вскричал: «Слезь с подоконника, мальчишка, и вон из моего кабинета, чтобы ноги твоей не было в Москве! Езжай в Алма-Ату и чтобы ты больше не высывался оттуда!».

«Я в несколько шагов быстро вышел из кабинета и прикрыл за собой дверь, – не раз пересказывал нам Увайс. – Иду по коридору, не осознавая, что произошло. Где-то в середине коридора открылась дверь и вышел навстречу маршал Семен Михайлович Буденный и завел меня к себе в кабинет. Он поздоровался и предложил сесть, а затем подошел и обнял. Говорил, что «Лаврентий у нас шубутной, со странностями, не обижайся, все кончилось хорошо», хотя знал, что чисто по случайности я остался жив».

Затем С. Буденный кому-то позвонил. Через несколько минут дверь кабинета открылась и на пороге появился маршал СССР К. Е. Ворошилов. Он также обнял Увайса с крепким рукопожатием. Посадив его между собой, маршалы расспрашивали, как он живет, как проходят спортивные состязания и о многом другом. Оба маршала вспоминали Грозный, Урус-Мартан и старых чеченских большевиков. Напоследок Семен Михайлович предложил снять фото на память. Быстро достали фотоаппарат и первыми снялись К. Е. Ворошилов и Увайс, затем К. Е. Ворошилов снял С. М. Буденного и Увайса. Эти фотографии Увайс переснял в пластиковые блюдца и они висели в его спальне до самой его смерти, а потом кем-то были похищены.

Маршалы Советского Союза проводили Увайса до выхода и распрощались с ним. На улице он нашел свою плачущую мать и

вместе с ней в сопровождении тех же мрачных лиц прибыл на вокзал и уехал в Алма-Ату.

С того времени у Ахтаева изменились взаимоотношения с руководством команды не в лучшую сторону, под надуманными предложениями его отстраняли от серьезных игр. Пресс политического давления чувствовался во всем. Сказать, что такая обстановка не действовала на брата, нельзя, и, естественно, он все это внутри переносил тяжело. Этот стресс явился одной из причин заболевания его сахарным диабетом и другими болезнями. Болел Увайс тяжело и долго, но врачи сумели его поставить на ноги, однако бегающий баскетболист из него уже не получался.

В 1961 году, будучи в Алма-Ате по государственным делам, М. М. Гайрбеков – председатель Совета Министров ЧИАССР, навестил больного Ахтаева и предложил ему вернуться на родину. Предложение было принято и в 1962 г. Увайс переехал в Грозный. Муслим Гайрбеков сразу же по приезду Ахтаева выделил ему квартиру из 3-х комнат по ул. Первомайской. Помог получить персональную пенсию – 80 рублей – по тем временам очень солидные деньги. Устроился Увайс и на работу тренером. Тренировал две команды: женскую и мужскую.

В 1978 г. его не стало (Дала гечдойла цунна). Так завершилась очень короткая жизнь этого удивительного человека-гиганта, великого мастера мяча, прославившего в самые трудные времена имя чеченцев.

<http://www.checheninfo.ru/>